

На правах рукописи

АНИЩЕНКО Валентина Владимировна

**АСОМНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА**

Специальность 10.01.01 – русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Волгоград – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Астраханский государственный университет».

Научный руководитель – *Завьялова Елена Евгеньевна*, доктор филологических наук, доцент.

Официальные оппоненты: *Васильев Сергей Анатольевич*, доктор филологических наук, профессор (ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», профессор кафедры русской литературы).

Рудакова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, доцент (ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова», профессор кафедры языкознания и литературоведения, заведующая кафедрой языкознания и литературоведения).

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева».

Защита состоится 26 ноября 2021 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.027.03 в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр. им. В.И. Ленина, д. 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Волгоградского государственного социально-педагогического университета: <https://vgpu.org>.

Автореферат разослан 06 октября 2021 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор филологических
наук, доцент

К.И. Декатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Являясь уникальным феноменом человеческого существования, категория пространства заслуживает особого осмысления как способ организации эстетической действительности произведений. Художественное пространство представляет собой фундаментальную характеристику реальности, репрезентируемую в текстах любого жанра, направления и стиля. Говоря о литературном процессе первой трети XIX века, следует отметить, что означенные хронологические рамки затрагивают эпоху романтизма – период, в котором одним из сюжетообразующих становится мотив сна. Это связано с интересом романтиков к бессознательному, стремлением преодолеть границы реальности, желанием достичь абсолюта. Подобное, по мнению мыслителей, возможно только в «альтернативной» реальности, которой является пространство сновидения и видения. Оно же впоследствии становится предметом особого литературоведческого интереса исследователей. Сон и природа сновидений интересуют человечество на протяжении длительного времени. Внимание к данным феноменам активно проявляется в мифологии, фольклоре, литературе. Мотив сна – один из наиболее распространённых и устойчивых в искусстве слова.

Взгляд на литературные произведения первой трети XIX века исключительно с онейропоэтического ракурса несколько стереотипизирован, поскольку в качестве одной из характеристик романтической философии выступает мировоззренческий дуализм. Наряду со стремлением романтиков преодолеть условность границ, объединить народы через общую культуру, мифологию, фольклор, ими разрабатываются принципы поэтики (мотив двойничества, особая организация художественного пространства и времени, обращение к мифологическим и народным источникам и др.), содержащие в своей основе системы оппозиций. Так, при достаточно частотном упоминании мотива сна в их произведениях находит актуализацию и противоположное – мотив бессонницы.

Бессонница – маркер беспокойного эмоционального состояния персонажа. Причиной бессонницы могут быть как положительные чувства (радость, влюблённость), так и отрицательные (гнев, страх); состояния (болезнь, предчувствие чего-либо), воздействие неизвестной силы. Восприятие героем действительности в момент бессонницы значительно меняется. В зависимости от причины отсутствия сна, а также чувств, которые герой испытывает, художественное пространство может становиться как враждебным, «давящим» на него, так и – реже – вызывающим умиротворение.

С этой точки зрения возможно говорить об особом типе художественного пространства – асомническом пространстве (*a* – префикс со значением отрицания + лат. *somnus* – сон), которое предполагает описание художественной реальности в момент бессонницы, вынужденного отсутствия или прерывания сна героя, а также характер восприятия им этой реальности. Понятие «бессонница» трактуется нами шире, чем в медицине (системное

нарушение сна), подразумевается ещё и ситуативное отсутствие сна, вызванное различными причинами. Бессонница открывает действительность, противоположную сну, но при этом не равную яви: это особое существование на грани материального мира. Такой тип художественной реальности, предполагающий субъектно-объектную составляющую хронотопа, представлен в данной работе.

Актуальность исследования определяется тем, что системный анализ асомнического пространства, его функционально-типологических особенностей: ситуаций, закономерностей, звуковой организации, поэтики таинственного и иррационального, роли предметного мира, а также выявление асомнического статуса героя поможет по-новому взглянуть на литературный процесс первой трети XIX века. Исследование ночной темы как одной из констант романтической эпохи с позиции асомнической проблематики расширяет представления о её специфике в рамках означенного культурного контекста.

Материалом для исследования являются художественные тексты разной жанровой принадлежности С.Т. Аксакова, Е.А. Баратынского, А.А. Бестужева-Марлинского, А.Ф. Вельтмана, Е. Ган, Н.В. Гоголя, В.И. Даля, В.А. Жуковского, М.Н. Загоскина, Н.М. Карамзина, И.И. Козлова, В.К. Кюхельбекера, М.Ю. Лермонтова, В.Ф. Одоевского, Н.Ф. Павлова, А. Погорельского, А.С. Пушкина, О.М. Сомова, В.П. Титова, Ф.И. Тютчева, Н.М. Языкова. С целью выявления связей с русской и зарубежной литературой в аспекте проблемы исследования, поиска источников и тенденций, оказывающих влияние на стилевые, образные, тематические особенности асомнического пространства произведений первой трети XIX века, проанализированы тексты означенного периода и рубежа XVIII–XIX столетий, Дж. Байрона, Э.Т.А. Гофмана, Ф. де ла М. Фуке, А. Радклиф, Л. Тика, И.Г. Фосса.

Объект исследования – асомническое пространство произведений русской литературы первой трети XIX века.

Предметом исследования являются функционально-типологические особенности организации этого пространства.

Цель диссертации состоит в определении закономерностей асомнического пространства в художественных текстах первой трети XIX века.

Данная цель конкретизирована рядом **задач**:

- представить типологию ситуаций, связанных с мотивом бессонницы;
- охарактеризовать особенности ночного хронотопа в аспекте асомнической проблематики;
- проанализировать звуковой образ асомнического пространства;
- обозначить асомнический статус героев, исходя из закономерностей их поведения;
- выделить черты поэтики таинственного и иррационального в асомническом пространстве;

– выявить функции наиболее значимых предметных составляющих асомнического пространства.

Методологическая основа исследования.

Начало теоретического обоснования проблемы художественного пространства положено античными авторами. Ряд исходных положений Аристотеля о художественной реальности сохраняет актуальность на протяжении многих веков. Всё более явный интерес к феномену художественного пространства произведения проявляют мыслители XVIII–XIX столетий, в особенности – теоретики немецкого романтизма. Целенаправленное и систематическое исследование художественного пространства как полноправного элемента поэтики произведения предпринимается в XX веке. Особое внимание разработке проблемы литературного пространства уделяют такие исследователи, как В.Б. Шкловский, В.Я. Пропп, Ю.Н. Тынянов, Б.В. Томашевский и др. Проблема типологии художественного пространства, выявления особенностей его структуры и функционирования находит отражение в трудах В.Ф. Асмуса, Д.С. Лихачёва, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и др.

Ю.Б. Борев отмечает, что художественное пространство «создаётся описанием вещного мира, деталями, подробностями окружающей героя среды»¹. Всё это составляет, по его мнению, «пространственно-временной континуум произведения»². На наш взгляд, асомническое пространство, обусловленное состоянием отсутствия сна героя, представляет одну из разновидностей художественной реальности текста, имеющую собственную структуру и закономерности функционирования.

Для достижения поставленных целей в диссертации используется комплекс литературоведческих методов: структурно-семантический, сравнительно-исторический, герменевтический подход, интертекстуальный метод.

Структурно-семантический метод позволяет изучить элементы асомнического пространства и их значение в художественном тексте, помогает установить взаимосвязи композиционной составляющей и содержания.

Сравнительно-исторический метод способствует выявлению связи асомнического пространства произведений с романтизмом как литературным направлением, общим культурным контекстом эпохи, определяющим интерес к ситуациям и мотивам, в которых репрезентируется рассматриваемая художественная реальность (ситуации карточной игры, плена, бессонница как модель болезненного опыта, иррациональное в асомническом пространстве).

Герменевтический подход предполагает понимание асомнического пространства произведений в системе металитературных контекстов,

---

¹ Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Ю.Б. Борев. М., 2003. С. 332.

² Там же.

включающих философский и культурологический аспекты, индивидуально-авторские проявления в художественной реальности.

Интертекстуальный метод нацелен на рассмотрение асомнического пространства произведений в связи с кругом текстов русской и зарубежной литературы на предмет поиска закономерностей и общности мотивов его изображения, а также влияющих на него культурных тенденций эпохи. Данный метод позволяет найти ряд смысловых связей, указывающих на соотнесенность определенных черт поэтики асомнического пространства с фольклорными вариантами.

Научная новизна исследования заключается в выявлении асомнического пространства, его структуры, закономерностей, особенностей функционирования в художественных текстах. Проводится комплексное исследование ситуаций, в которых репрезентируется мотив бессонницы, определяется место проявления иррационального и таинственного в асомническом пространстве, представляется классификация асомнического статуса героев в контексте их поведения. Ранее литературный процесс первой трети XIX века в этом аспекте не рассматривался.

Теоретическая значимость диссертации заключается в научном обосновании термина «асомническое пространство» и представлении алгоритма анализа указанного феномена. В исследовании раскрывается специфика хронотопа бессонницы, определяется субъектно-объектная организация асомнического пространства, закономерности функционирования его составляющих в произведениях русской литературы первой трети XIX века.

Практическая значимость состоит в возможности обогащения теории и практики вузовского преподавания. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в курсах истории русской литературы первой трети XIX века, русской литературы и культуры, литературоведения, при разработке спецкурсов и спецсеминаров, процессе школьного преподавания литературы и факультативах.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В текстах рассматриваемого периода мотив бессонницы наиболее типичен для ситуаций карточной игры, плена и болезни. В перечисленных обстоятельствах отсутствие сна осмысливается как явление безрадостное, приносящее страдания. Несмотря на особую увлечённость игровым процессом, бессонная ночь впоследствии сказывается на физическом состоянии героя, а само пристрастие к игре начинает восприниматься как наваждение. С отсутствием сна в ситуации плена связана рефлексивная составляющая: в пору бессонницы персонажи остро ощущают потерю свободы, пытаются осмыслить свою судьбу. Интерес романтиков к явлениям психической жизни, а также культурный контекст эпохи определяют место мотива бессонницы как модели болезненного опыта, получающей различную интерпретацию: бессонница – болезнь, следствие состояния нездоровья, бессонница в контексте ухода за больным, отсутствие сна и безумие героя.

2. Будучи в большинстве случаев ночными явлениями, бессонница, вынужденное отсутствие или прерывание сна находятся в непосредственной связи с этим временем суток. Бессонная ночь – один из аспектов культурной константы эпохи, темы «notturmo». Влияние отсутствия сна на героя предполагает несколько составляющих: особенности восприятия неспящим персонажем ночного хронотопа и воздействие на него бессонной ночи. Персонажи произведений А.А. Бестужева-Марлинского, Н.М. Карамзина, М.Ю. Лермонтова, И.И. Козлова посещают знаковые топосы, которые в дневное время суток представляются иначе. Воздействие бессонной ночи неоднозначно: это и время творческой активности – открывающееся бодрствующему сознанию расширение границ возможного («Русские ночи» В.Ф. Одоевского, «Демон» Н.Ф. Павлова), и порождающая страх перед неизвестным сила («Ундина» В.А. Жуковского, «ночные» стихотворения М.Ю. Лермонтова). «Магическая», иррациональная среда бессонной ночи негативно воздействует на личность героя. Сознанию в состоянии не-сна открывается трансцендентное – своеобразное откровение, картины мировой катастрофы («Ночь II» М.Ю. Лермонтова). В поэзии рассматриваемого периода распространено понимание бессонной ночи как особой экзистенциальной ситуации, времени размышлений, когда герои задумываются о вопросах бытия.

3. В произведениях русской литературы первой трети XIX века звуки асомнического пространства определяют специфический модус рецепции героем действительности: сознание в состоянии не-сна, как правило, обостренно воспринимает реальность и ее особенности. Звуковой образ такого пространства предполагает несколько категорий: музыкальное, звуки, сопровождающие не поддающиеся рациональному объяснению явления, звуки в контексте экзистенциальной проблематики и сентиментально-романтической поэтики, иные шумы. Звучащие в момент бессонницы героя инструменты символичны (флейта в «Путешествиях» В.К. Кюхельбекера, клавесин в поэме Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен», арфа в одной из новелл сборника А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», орган в новелле В.Ф. Одоевского «Себастиан Бах»). В асомническом пространстве произведений первой трети XIX века устойчива связь необъяснимых звуков и суеверного страха, мысли о призраках или их явлении («Марфа-посадница, или Покорение Новагорода» Н.М. Карамзина, «Монастырка», «Лафертовская маковница», «Изидор и Анюта» А. Погорельского, «Две невестки» М.Н. Загоскина, «Приказ с того света» О.М. Сомова). Особую интерпретацию имеют звуки асомнического пространства в произведениях, затрагивающих экзистенциальные проблемы (тиканье часов, таинственный шёпот, колокольный звон). Иные шумы (крики, свист, звон, звук обрушения, голос) соотносятся с переживаниями персонажей, ситуативны, могут быть как реальными, так и казаться в момент бессонницы, препятствовать сну.

4. Асомнический статус определяет модус отношения неспящего к своему состоянию (физиологическому или психическому), приносящему

страдания или осмысливаемому как эмоционально положительное, реже – нейтральное. Бессонница героя – признак исключительности. В большей степени распространён асомнический статус, определяемый переживанием потери любимого (близкого) человека. Бессонницу порождают как деструктивные состояния (ревность, желание мести), так и рефлексивные – муки совести, чувство вины, озадаченность происходящим или необходимость единения. Отсутствие сна в большинстве случаев объясняется переживаниями, приносящими страдания.

5. Поэтика таинственного и иррационального в асомническом пространстве предполагает столкновение героев с явлениями, не поддающимися разумному осмыслению. Встреча с необъяснимым (персонифицированной смертью, inferнальным началом, персонажами низшей демонологии или странным явлением) порождает тревогу, страх перед ним, недоумение, потому нередко становится причиной отсутствия сна или определяет вынужденное бодрствование. Приметы асомнического пространства в момент подобной встречи связаны с переживанием этих эмоций и ночным хронотопом. Наиболее распространённым можно назвать мотив появления призрака: души, пришедшей проститься и исполнить данную при жизни клятву, или загубленной, желающей справедливости и мщения. Иррациональное в асомническом пространстве проявляется в категориях таинственного и случайного.

6. Предметная среда асомнического пространства находится в прямой связи с неспящим героем, чувствами и переживаниями, которые он испытывает. Необходимые или наличные в быту предметы – элементы материальной культуры эпохи, но их роль приобретает дополнительную или отличную от обыденной функциональную нагрузку. Часто в асомническом пространстве произведений первой трети XIX века упоминается кровать. Ситуация бессонницы обращает традиционную функцию постели (сон и отдых) в противоположную. Определённой символикой обладают её части и атрибуты (изголовье, подушка, одеяло). Пребывание героя в момент отсутствия сна за столом определяется или сильным эмоциональным потрясением (реже – болезнью), приводящим к оцепенению, или вынужденной работой. Часто упоминаемым предметом являются часы.

Достоверность результатов исследования. Анализ достоверности результатов исследования позволяет заключить, что методы и пути исследования адекватны поставленной цели и задачам, объём материала соответствует исследованиям подобного рода, включает широкий круг художественных и научных текстов; выводы диссертации подкрепляются значительной теоретико-методологической основой исследований художественного пространства, основные положения диссертации отражены в публикациях в российских и зарубежных журналах, сборниках научных статей.

Апробация работы. Диссертационное исследование обсуждалось на кафедре литературы Астраханского государственного университета.

Основные положения были изложены на научных конференциях: «Интертекстуальность художественного дискурса» (Астрахань, 2018 г.), «А.С. Пушкин и мировая культура» (Минск, 2019 г.), «Жанрово-стилевые искания в художественной литературе» (Астрахань, 2019 г.), «Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 2019 г.), «Жанрово-стилевые искания в мировой литературе» (Астрахань, 2020 г.).

Структура диссертации определяется логикой исследования асомнического пространства. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 180 наименований. Общий объем диссертации – 183 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, обозначаются его предмет и объект, формулируются цель и задачи, положения, выносимые на защиту, определяются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В **первой главе** «Специфика хронотопа бессонницы в русской литературе первой трети XIX века» исследуются структурно-функциональные особенности асомнического пространства.

В *первом параграфе* «Типология ситуаций с мотивом бессонницы» представлены и проанализированы основные обстоятельства, в которых репрезентируется мотив бессонницы.

В текстах рассматриваемого периода мотив бессонницы наиболее типичен для ситуации карточной игры, плена и болезни. Следует отметить, что мотив отсутствия сна, репрезентируемый в перечисленных обстоятельствах, не относится, как и данные ситуации, исключительно к романтической художественной системе или исторической эпохе, но в произведениях представителей данного направления получает в рассматриваемых контекстах специфические черты. Бессонница, обусловленная увлеченным участием героев в игровом процессе, меняет их сознание и восприятие действительности. Отсутствие сна в типичной для романтической поэтики ситуации плена, как правило, связано с переживанием персонажем несвободы, осмыслением своей судьбы, общим беспокойством. Интерес романтиков к явлениям психической жизни, чувствам и состояниям, а также культурный контекст эпохи определяют место мотива бессонницы как модели болезненного опыта, получающей различную трактовку.

Романтики, чей творческий процесс нередко воспринимается как «эстетическая игра», дают собственную интерпретацию рассматриваемому явлению. Их отношение к миру строится на принципах неоднозначности, иронии, позволяющих передать парадоксальность человеческого бытия, существование противоположных оценок. Игра в романтическом тексте имеет различное воплощение: это и утверждение карнавальности стихии как необходимой составляющей творчества, и эстетика музыкального, столь

свойственная данному художественному методу, и пресловутая повествовательная структура произведения. Однако особое внимание в творчестве романтиков уделяется карточной игре.

Следует подчеркнуть, что феномен карточной игры не «привязан» к конкретному историческому периоду или художественной системе. Однако на рубеже XVIII–XIX веков рассматриваемая культурная реальность приобретает, по словам Ю.М. Лотмана, «черты универсальной модели – Карточной Игры, становясь центром своеобразного мифообразования эпохи»³.

Мотив карточной игры коррелирует с мотивом отсутствия сна. Долгое пребывание героев за игральным столом обусловлено, с одной стороны, особенностями некоторых игр, рассчитанных на длительный процесс и тщательное ведение стратегии, с другой – мистическим аспектом: игра связывается с необычными происшествиями, её процесс так завораживает героев, что они не замечают течение времени. Зачастую игра происходит в тёмное время суток. Ночной хронотоп символизирует иное состояние существования. Карточная игра, приводящая к отсутствию сна, не только формирует особое пространство и время художественного текста, но и предполагает иное восприятие ими реальности. Такое явление характерно как для русской, так и для зарубежной литературы. Мы полагаем, что мотив отсутствия сна во время игры и описание последствий длительного пребывания ночью за игорным столом частотны в немецком романтизме, оказывающем влияние на русскую литературу. Как игровой процесс, так и ситуации, связанные с ним, меняют сознание персонажей. Отсутствие сна может быть вызвано не только страстным участием героев в игре, но и необычными случаями, происходящими во время неё. Игра и определённые ей обстоятельства становятся причиной бессонницы героев, меняют их восприятие действительности.

Никак не могут уснуть персонажи, лишённые свободы. Являясь нередко одной из сюжетообразующих, ситуация плена в романтической эстетике актуализирует переживание неволи героем. Он оказывается «прикованным» к определённой пространственной точке. Пребывание в неволе становится причиной душевных страданий, ограничивает от внешнего мира, зачастую побуждает к размышлению о прошлом, возможном спасении, осмыслению собственной судьбы и участи. Отсутствие сна для героев в заточении представляется как особая экзистенциальная ситуация, предполагающая переживания, осмысление происходящего. Асомническое пространство в рассмотренных произведениях символично и нередко отражает эмоциональное состояние героев-пленников.

Бессонница подразумевает искажение привычного ритма жизни; в определённом смысле её можно интерпретировать как модель болезненного опыта, ситуацию, порождающую переживания. Один из аспектов понимания

---

³Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. II. Таллинн, 1992. С. 391.

бессонницы в русской литературе первой трети XIX века – болезненное состояние, приносящее физические страдания или связанное с общей ситуацией нездоровья.

Внимание романтиков к болезненным состояниям, в числе которых оказывается и бессонница, обуславливается не только преобладающей связью с сентиментализмом и литературными тенденциями рубежа веков, но и общим культурным контекстом эпохи. Мироустройство, воспринимаемое ими враждебным природе человека, его личной свободе, ведёт к разочарованию в себе и в мире, меланхолии – состоянию, нередко называемому «болезнью века» и обозначавшему (до начала XX столетия) один из видов психических расстройств, приводящих к неприятным, болезненным душевным мучениям. Осмысливаясь в трагическом ключе, меланхолия становится модным явлением культурной жизни и в понимании романтиков приобретает признаки возвышенного. В ту необычную эпоху было модно проявлять болезненность: бледность, головокружение, переживать расстройства сна. Болезненность в этот период – одна из примет исключительности. В произведении А.Ф. Вельтмана «Эротиды» рядом с меланхолией – недугом, наделённым в духе времени особым очарованием, оказывается и бессонница: «Там [на курорте – В.А.] пьётся, кроме воды, благоуханное дыхание страждущих меланхолией, бессонницей»⁴, но гротескная повествовательная манера, совмещающая возвышенное и обыденное, ставит эти состояния в один ряд с «отсутствием аппетита и всеми возможными припадками»⁵. Патетика начала цитаты не случайно девальвируется «приземлённым» продолжением: на закате эпохи многие романтические штампы становятся предметом иронии.

Романтическая художественная система отличается парадоксальностью восприятия жизненных явлений, демонстрацией интереса к неразрешимым противоречиям в природе человека. Данное обстоятельство отчасти объясняет неоднозначность представления бессонницы в произведениях рассматриваемого периода: она может пониматься как состояние, предполагающее утрату внутреннего равновесия, покоя, так и как желанное. Опыт переживания бессонницы нередко становится предметом поэтизации.

Следует обратить внимание на роль бессонницы в контексте довольно распространённого мотива ухода за больным, который в первой трети XIX века проявляется не только в романтических произведениях, но и в сентименталистских, а также в светских повестях, в которых романтические и реалистические тенденции сосуществуют. Отсутствие сна становится одним из средств характеристики. Тяжкое переживание болезненной бессонницы соотносится с мотивом романтического безумия, актуализирующим ощущение разлада между личностью и окружающей действительностью. Подвергаясь рефлексивному анализу в рамках

---

⁴Русская романтическая повесть писателей 20–40 годов XIX в. / сост., вступ. ст. и примеч. В.И. Сахарова. М., 1992. С. 287.

⁵ Там же.

романтической эстетики, феномен безумия привлекает представителей направления возможностью приобщения к высшей форме внутренней свободы, преодоления границы собственного тела, стоящей на пути к слиянию с Абсолютом. Знаменующее начало стихотворения Е.А. Баратынского «Последняя смерть» состояние бессонницы позиционируется как граница между разумом и безумием, бытие, которое невозможно определить.

Во *втором параграфе* «Особенности ночного хронотопа в аспекте асомнической проблематики» рассматриваются пространственно-временной континуум ночи, отношение неспящего героя к происходящему.

Будучи в большинстве случаев ночными явлениями, бессонница, вынужденное отсутствие или прерывание сна находятся в непосредственной связи с этим временем суток. Специфика ночного хронотопа в плане асомнической проблематики заслуживает особого внимания, поскольку для европейской культуры характерно противопоставление дневного и ночного сознания. Последнему, находящемуся в состоянии не-сна, свойствен комплекс переживаний разного рода, напряжённые размышления, стремление к исканию и осмыслению философских истин и вопросов бытия, обострённое восприятие объектов окружающего и в том числе – «атрибутов» ночи; нередко для подобного состояния характерен разлад, мучительное рассогласование отношений с собой и миром. Вместе с тем ночь – «победа над бессонницей, полёт над спящим и неспящим пространством»⁶, торжество вдохновения и творчества.

Интенции, связанные с изображением неспящего героя, появляются в сентиментально-предромантической эстетике, демонстрирующей интерес к эмоционально-чувственному восприятию мира, утверждению естественного начала. Бессонная ночь в предшествующей традиции воспевается, прежде всего, как время глубоких размышлений и рефлексии, что оказывает значительное влияние на русскую литературу первой трети XIX века. Творческий процесс в бессонную ночь расширяет границы возможного, меняет восприятие существования. Бессонная ночь меняет оценку героем окружающего пространства: руины храма кажутся повествователю преображёнными в «Европейских письмах» В.К. Кюхельбекера. Тёмное время суток привлекает своей иррациональностью и таинственностью. Эстетике произведений первой трети XIX века близко древнее мифологическое понимание сопутствующей ночи тьмы как порождающей силы. Отсутствие сна главного героя поэмы М.Ю. Лермонтова «Корсар» (1828 г.) в ночь бегства знаменует начало пути, его своеобразную инициацию. Совершая ночью побег, он начинает новую жизнь. Статус, который персонаж символически обретает под покровом ночи, предполагает иную модель поведения. Вооружившись кинжалом и двумя пистолетами, он атрибутивно приобщается к разбойничьей жизни.

---

⁶ Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / авт.-сост. В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. М., 2008. С. 347.

Путь символического посвящения героя предполагает посещение ночью знаковых топосов. Бессонная ночь ассоциируется с возможной опасностью и порождает ощущение незащитности перед неизвестным. Отсутствие сна почти всегда проживается как сложная экзистенциальная ситуация, когда человек размышляет о вечности, сожалеет о прошлом, осознает свое одиночество, испытывает страх. Обращение к теме ночи становится имплицитной культурной константой романтической эпохи. Такое время также может субъективно менять восприятие героем окружающего пространства; магическое, иррациональное воздействие бессонной ночи иногда отрицательно влияет на личность.

Предметом рассмотрения в *третьем параграфе* «Звуковая организация асомнического пространства» становится место и значение звуков при бессоннице. Являясь одним из онтологических свойств реальности, звук интерпретируется с точки зрения разных научных, культурных и духовно-религиозных аспектов. В произведениях русской литературы первой трети XIX века звуки асомнического пространства определяют особенности восприятия действительности: сознание в состоянии не-сна, как правило, обострённо воспринимает реальность и её особенности. Не последнюю роль играет и тот факт, что бессонница – преимущественно ночное явление, а это время суток, как известно, открывает иное видение окружающего, ночью же изменяются и особенности восприятия звуков. Философия звука определяет три основанные на нем категории: шумы, речь и музыку.

Категория музыкального в асомническом пространстве предполагает не только звучание музыкальных инструментов, но и пение, поскольку голос трактуется как инструмент исполнителя, а также тематическую отнесённость соответствующих эпизодов к искусству. Звуки могут определяться контекстом сентиментально-романтической поэтики.

Музыкальное в асомническом пространстве предполагает, что звучащие в момент бессонницы героя инструменты символичны. Флейта порождает противоречивые образы и ассоциации у рассказчика в «Путешествиях» В.К. Кюхельбекера; игра Луизы на клавесине знаменует долгожданное воссоединение с возлюбленным в поэме Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен», в одной из новелл сборника А. Погорельского «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» не спит герой, очарованный игрой на арфе незнакомки; попытки юного музыканта поиграть на органе – в центре асомнического пространства в новелле В.Ф. Одоевского «Себастиан Бах». Ответная песня героини в момент отсутствия сна – знак в поэме М.Ю. Лермонтова «Литвинка». К рассматриваемой категории принадлежит тематическая отнесённость соответствующих эпизодов к музыкальному искусству (новелла В.Ф. Одоевского «Себастиан Бах»). Звуки, сопровождающие мистические или фантастические события: особая чувствительность к окружающему, в том числе – обострённое восприятие звуков. Они лишают сна Киприано в новелле В.Ф. Одоевского «Импровизатор»; кажущееся обрушение дома – знак предчувствия беды в

повести О.М. Сомова «Юродивый». Вой собак и звуки похоронной процессии – предвестники несчастья в новелле О.М. Сомова «Недобрый глаз». Проявление персонажа низшей демонологии лишает покоя и сна героев в повести О.М. Сомова «Кикимора». Звуки, свидетельствующие о сверхъестественном присутствии, нарушают покой героев.

Будучи напряжённым, сильным и громким, крик в асомническом пространстве свидетельствует о крайнем проявлении отрицательных эмоциональных переживаний, вызванных различными причинами. Одна из них – пугающая встреча с неизвестным. Звуковым раздражителем, препятствующим сну героев, является крик петуха. Особую интерпретацию имеют звуки асомнического пространства в произведениях, затрагивающих экзистенциальные проблемы. В этом аспекте такие звуки в большинстве случаев не препятствуют сну, а сопровождают переживание бессонницы.

Отдаляя человека от повседневных забот и суеты, бессонница ведёт его к самопознанию. Острота её переживания усиливается тем, что в ночной тишине и мраке он остаётся один. В пушкинском стихотворении «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы» воплощена попытка обратиться к враждебным силам ночи, осознать сущность тревожащего шёпота. В ночной тишине внимание героя предельно сконцентрировано, так что он чутко «замечает» каждый звук. Это стихотворение А.С. Пушкина становится знаковым «текстом бессонницы». Оно приводит к появлению многочисленных откликов (ассоциаций, реминисценций, подражаний) и само нередко выступает предметом литературоведческого интереса. Обострённое слуховое восприятие героя определяется и ночной тьмой, исключаяющей видение внешнего предметного мира. Не случайно в начале произведения акцентируется присутствие неспящего без источника света. Пребывание героя в асомническом пространстве, лишённом визуальных границ, привносит онтологическое звучание и с позиции романтической эстетики определяет парадокс. Отсутствие условной границы вещного мира, которую стремятся преодолеть представители этого направления, не даёт герою ощущение свободы и лёгкости, напротив – он неспокоен, желает постичь собственное бытие.

Звуковой образ асомнического пространства в свете сентиментально-романтической поэтики предполагает как чувственное начало в общем контексте ситуации (пылкая речь разочарованного юноши в романе А.Ф. Вельтмана «Странник», знаменующий явление эфемерной возлюбленной шум в повести К.С. Аксакова «Облако»), так и пародию на соответствующий стиль (описание Параши из поздней поэмы А.С. Пушкина «Домик в Коломне»).

Стихотворение Ф.И. Тютчева «Бессонница» начинается с упоминания боя часов, определяющего эмоционально-смысловую доминанту произведения. Звук часов в асомническом пространстве метафорически обретает знаковый универсальный смысл. Если под однозвучный ход часов в стихотворении А.С. Пушкина показывается попытка философского

осмысления в пору бессонницы «жизненных» вопросов суетности существования и судьбы, бой часов в тексте Ф.И. Тютчева выражает всеобщий страх смерти. В противоположность субъекту речи стихотворения А.С. Пушкина герой риторически обращается ко всем и говорит от лица всех.

Некоторые звуки в асомническом пространстве связываются с конкретной жизненной ситуацией или проецируют страхи и опасения героев (крики, звон повозки, звук обрушения дома).

Во **второй главе** «Субъектно-объектная организация асомнического пространства в произведениях русской литературы первой трети XIX века» представлена классификация асомнического статуса героев, определены специфика предметного мира, поэтика таинственного и иррационального в структуре рассматриваемой художественной реальности.

В *первом параграфе* «Классификация асомнического статуса героев по принципу закономерностей их поведения» определяется модус отношения неспящего героя к своему состоянию (физиологическому или психическому), приносящему страдания или осмысливаемому как эмоционально положительное, реже – нейтральное. В романтической эстетике отсутствие сна как свойство героя нередко подчёркивает его исключительность. Особое внимание в структуре художественных текстов первой трети XIX века уделяется уподоблённым или противоположным действительности сновидениям персонажей. И если сон – один из способов преодоления границы между реальностью и мечтой, противоположная ему бессонница входит в парадигму характерных для романтической эстетики сюжетных ситуаций.

Бессонница, свойственная персонажу как исключительная черта, актуализирует противоречие в характере капитана-лейтенанта из повести А.А. Бестужева-Марлинского «Фрегат “Надежда”» Ильи Петровича Правина. В поэме М.Ю. Лермонтова «Сашка» бессонница героя осмысливается им как особенность, отличающая в негативном смысле – подобно недоброму знаку (он рождён с бессонницей). В его признании прослеживается характерное для устного народного творчества и романтизма представление о злом роке и счастливой доле: персонаж лишён «блаженства сна», вместо него – мучительная бессонница.

В отличие от сновидения, бессонница привносит реальное переживание, выступая средством романтизации образа. Особенно отчётливо это проявляется в образе героя драмы «Menschen und Leidenschaften» Юрия Волина, бессонница которого обостряет ощущение одиночества, тоску по «настоящей жизни», неопределённость пути. Состояние бессонницы переживается персонажами как особая экзистенциальная ситуация, обусловленная различными обстоятельствами и чувствами. Отсутствие сна определяет душевное беспокойство и сопровождает одиночество и отчуждённость героев поэм А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

В некоторых произведениях в портретной характеристике женских персонажей подчёркивается особая красота, способная лишить сна героев-

мужчин. Александра в драме М.Ю. Лермонтова «Два брата» всецело охватывает страсть и ревность к возлюбленной. В момент смерти отца конфликт братьев обостряется. Внимание Александра приковано к уезжающей княгине. Он указывает на вызванную бессонницей бледность дамы, находя в этом очарование. Впрочем, такое замечание не только признак эмоционального потрясения персонажа, объединяющего страсть и ревность: подобное видение женской красоты – в духе времени.

Асомнический статус героев, опосредованный любовными томлениями, устойчив как для литературы рассматриваемого периода, так и предшествующего ему сентиментализма. Но наиболее распространён асомнический статус, определяемый эмоциональным переживанием потери любимого (близкого) человека. Бессонницу порождают как деструктивные состояния (ревность, желание мести), так и рефлексивные – муки совести, чувство вины, озадаченность происходящим или необходимостью единения.

Во *втором параграфе* «Поэтика таинственного и иррационального в асомническом пространстве» речь идёт о необъяснимых явлениях, которые прямо или опосредованно лишают героев сна, причём такое состояние вызывает страх и переживается мучительно. Категория таинственного связывается со стремлением познать жизненные явления и загадки бытия. С одной стороны, семантическое поле тайны включает её понимание как внешнего скрытого факта, и с другой, – соотносится с постижением внутреннего мира отдельной личности. С позиции романтизма, человек – модель макрокосма, и все тайны универсума заключены в глубинах его души, поэтому познание мира в их эстетике – прежде всего самопознание. Более того, в отличие от представителей классицизма и Просвещения, изображающих рационально организованную и ясную модель мира, само мироздание позиционируется романтиками как тайна.

Помимо таинственного, существенным признаком романтического метода является поэтика случайного. Она актуализирует ещё одну характерную для эстетики данного направления категорию – иронию, показывающую несовершенство мира и разрушающую представление о нём как о чём-то устоявшемся. Искусство романтизма усматривает необычное в случайном, хаотичном, отражающих превратности человеческого существования и утверждающих волю Абсолюта. Мотивы тайны, случайности в художественном произведении, заостряющие внимание на определённой ситуации, нередко коррелируют с мотивом отсутствия сна.

Противопоставление романтической эстетики культуре классицизма и Просвещения находит воплощение в стремлении к иррационально-тёмному, «мистическому» сознанию и изображению в художественной действительности не поддающихся разумному объяснению явлений. Как одна из культурных ценностей романтизма, категория иррационального отражает кризис идеи абсолютизации разума, которая не сочетается с суровой реальностью. Поиск идеала и несоответствие ему жизненных явлений, феномен «бегства от действительности» становятся константами

романтической эпохи, отражаясь в стилистических принципах (мотив двойничества, особая организация художественного пространства и времени, обращение к мифологическим и фольклорным источникам и др.), вере в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом якобы связан человек. Столкновение романтического героя с иррациональным (персонифицированной смертью, inferнальным началом, персонажами низшей демонологии или неподдающимся разумному объяснению явлением) порождает тревогу, страх, лишает покоя. В рассмотренных произведениях отсутствие сна героев определяют иррациональные причины – необычные ситуации и видения, не поддающиеся разумному объяснению. Наиболее распространённым можно назвать мотив появления призрака: души, пришедшей проститься и исполнить данную при жизни клятву, или загубленной, желающей справедливости и мщения. Асомническое пространство в момент встречи с необъяснимым связано с переживанием страха или муками совести.

В *третьем параграфе* «Субстантивность в структуре асомнического пространства» исследуется его предметный мир. Художественная реальность в момент бессонницы, вынужденного отсутствия или прерывания сна героя предполагает упоминание, описание окружающих его вещей, предметов материального мира (мебель, источники света и прочие предметы домашнего обихода). В произведениях рассматриваемого периода необходимые или наличные в быту вещи – элементы материальной культуры эпохи, но их роль в асомническом пространстве заслуживает особого внимания, поскольку неоднозначна и приобретает дополнительную или отличную от обыденной функциональную нагрузку. В ряде случаев сама вещь становится причиной бессонницы или находится в прямой связи с ней.

Традиционно предназначенная для сна или отдыха кровать утрачивает своё типичное назначение. Переживание бессонницы, намерения персонажа, вызванные различными причинами, или события нередко заставляют героя покинуть кровать. В параграфе рассмотрена символика сопутствующих действий. Ситуация, когда герой в пору бессонницы ворочается в кровати, подчёркивает физический дискомфорт от самого отсутствия сна или переживаний, его обуславливающих. Кроме того, такие действия, как вращение и этимологически близкие переворачивание, оборачивание, выворачивание в народной культуре обладают ритуальной семантикой. Встреча с иррациональным становится причиной страха и бессонницы, нередко вынуждает героя не только приподниматься или вставать, но и в ужасе вскакивать с кровати, там же герои пытаются отгородиться от тревожащих явлений, успокоиться, заснуть.

Истоками означенной тенденции в асомническом пространстве произведений русской литературы первой трети XIX века можно считать распространённую на рубеже веков готическую литературу и влияние немецкого романтизма. Одеяло при такой ужасающей встрече имеет защитную функцию: герои пытаются закрыться от тревожащего наваждения.

Напрасное ожидание сна и попытка найти успокоение в кровати после пугающих видений – устойчивые мотивы асомнического пространства в произведениях рассматриваемого периода.

Кровать становится смысловым центром асомнического пространства «Сказок о кладах» О.М. Сомова. Место под постелью, куда герой определяет старый сундук, по ироничному стечению обстоятельств хранит главную тайну: сокровища находятся в нём. Заветное сокровище, таким образом, непреднамеренно оказывается в необычном, на первый взгляд, месте. В народной культуре считается, что клад иногда может находиться в пределах дома (стене, погребе, под печью). Значение скрытого от глаз пространства под кроватью амбивалентно: с одной стороны, мифологизируется, считаясь локусом пребывания нечистой силы или вредоносных персонажей низшей демонологии и упоминаясь в обрядах, при гадании, с другой – имеет охранительную функцию, там рекомендуют располагать обереги. Новое место расположения сундука с сокровищами парадоксально: оно укромно и очевидно одновременно.

Среди вещного мира асомнического пространства упоминаются предметы, свидетельствующие о богатстве их обладателей. Но роскошное убранство комнат, где находятся неспящие герои, как правило, контрастно их душевному беспокойствию (поэма «Бал» Е.А. Баратынского, «Боярин Орша» М.Ю. Лермонтова).

Подушке как постельной принадлежности, предназначенной для поддержки головы во время сна или отдыха, в асомническом пространстве не свойственна определенная культурой быта роль. Непосредственная близость к голове определяет в народной традиции возможность негативного воздействия на сон и покой человека расположившихся на или под ней враждебных демонологических существ. Устойчива в народной культуре и регламентация нахождения изголовья и соответственно изножья постели по сторонам света. Изголовье часто упоминается в произведениях рассматриваемого периода. В изголовье и под подушку принято помещать обереги, а также ритуальные предметы и травы, способные воздействовать на человека – иногда и негативным образом. Нередко в народных представлениях эти места отождествляются.

Положение в пространстве кровати головы и ног маркируется в системе оппозиции «божественное» – «дьявольское»: над головой витают ангелы, а в ногах путают демонические силы (тревожные тени сходят со стены до ног героя стихотворения М.Ю. Лермонтова «Первая любовь»). Впрочем, враждебные человеку низшие мифологические персонажи могут выполнять свою типологическую роль, располагаясь именно в изголовье: персонифицированный образ бессонницы, ночницы, полуночницы лишают сна или способствуют его нарушению, находясь в головах. Мифические или сакральные персонажи в изголовье не всегда предсказывают несчастье или болезнь, в отличие от изножья, где их появление – всегда знак беды или даже смерти. В асомническом пространстве нередко явление в изголовье

предвестников, значительно влияющих на жизненные события героев (повесть «Юродивый» О.М. Сомова, новелла «Две невестки» Н.М. Загоскина). Метафоризация образа изголовья в момент бессонницы героев связана с сильными чувствами, переживаемыми ими. Изголовье наделяется и охранительной функцией (рассказ «Радой» А.Ф. Вельтмана). Пребывание героев у изголовья больного (то есть в непосредственной близости к нему) и жертвование собственным сном – знак заботы.

В асомническом пространстве произведений рассматриваемого периода герои нередко проводят бессонную ночь за столом. Прежде всего, речь идет о письменных столах, которые, как правило, располагаются в кабинетах. Пребывание героя в момент отсутствия сна за столом определяется или сильным эмоциональным потрясением (реже – болезнью), приводящим к оцепенению, или вынужденной работой. В народной символике стол – особо почитаемый предмет домашнего интерьера, осмысливаемый как место пребывания Бога и его дара – хлеба. Иной семантикой обладают игральные столы, и речь идет не только об их функциональном отличии от обеденных и письменных. В асомническом пространстве они становятся центром притяжения внимания игроков и способны особым образом воздействовать на них. Проводя всю ночь или ее продолжительную часть за игорным столом, персонажи не замечают течения времени. Болезненные последствия такой бессонницы ощущаются на следующий день.

В прямой связи со временем находятся часы – часто упоминаемый предмет. Особый акцент в произведениях делается не на конкретное описание часов, а на звуки, издаваемые ими (подробно этот вопрос рассматривается в параграфе «Звуковая организация асомнического пространства»). Часы не существуют в асомническом пространстве отдельно от героя: как правило, в состоянии бессонницы он ощущает с ними определенную связь. Она предполагает несколько аспектов: реалистический (ход часов сопровождается тревожное ожидание желательного, нежелательного события, а их бой знаменует его наступление), мистический (боем часов маркируется мотив предчувствия), философский (звук хода часов «сопровождает» отсутствие сна, когда герой в состоянии одиночества пытается осмыслить онтологические вопросы). В асомническом пространстве с символикой времени связаны не только часы, но и источник света – свеча. Наделенная множеством ассоциаций и знаковых смыслов, горящая свеча имеет как утилитарное значение, так и становится метафорой течения человеческой жизни, а ее тусклый свет вызывает умиротворение и покой.

В заключении диссертации подводятся итоги, даются выводы в соответствии с целью и конкретизирующими ее задачами, обозначаются перспективы исследования заявленной темы.

В данном исследовании было выявлено асомническое пространство в произведениях русской литературы первой трети XIX века, обоснованы его

структура, закономерности, обозначена роль в художественных текстах. Особое внимание уделяется культурной среде, литературным тенденциям первой трети XIX века и рубежа веков в аспекте их влияния на специфику асомнического пространства произведений рассматриваемого периода. Мы определили типичные ситуации с мотивом бессонницы и охарактеризовали особенности асомнического пространства в них. Интерпретация образа бессонной ночи и звуков позволила расширить представления о теме «notturmo» как одной из констант означенного культурного контекста. В работе представлена классификация асомнического статуса героев, охарактеризована поэтика таинственного и иррационального. Многоаспектный анализ субстантивности в структуре асомнического пространства позволил сделать вывод о том, что роль предметов в момент бессонницы героя неоднозначна и приобретает дополнительную или отличную от обыденной функциональную нагрузку. Вещь находится в прямой связи с состоянием героя в момент бессонницы и нередко становится её причиной. Перспективы исследования мы видим в изучении асомнического пространства произведений эпохи реализма и литературы рубежа XIX–XX веков.

**Основное содержание диссертационного исследования отражено
в следующих публикациях автора:**

*Статьи в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки Российской Федерации*

1. Анищенко В.В. Мотив бессонницы и асомническое пространство в прозе Н.М. Карамзина / В.В. Анищенко // Гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (64). – С. 92–101.
2. Анищенко В.В. Асомническая проблематика драматических произведений М.Ю. Лермонтова / В.В. Анищенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. № 6. Ч. 1. – С. 7–11.
3. Анищенко В.В. Музыкальные интенции в асомническом пространстве новеллы В.Ф. Одоевского «Себастиан Бах» / В.В. Анищенко // Казанская наука. – 2020. – № 12. – С. 14–16.

*Статьи в научных журналах
и сборниках материалов научных конференций*

4. Анищенко В.В. Асомническое пространство в творчестве О.М. Сомова / В.В. Анищенко // Восток – Запад: пространство русской литературы и фольклора: сборник статей по итогам седьмой Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Д.Н. Медриша (Волгоград,

15 декабря 2016 г.). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2017. – С. 202–209.

5. Анищенко В.В. Авторская интерпретация мотива бессонницы в «Ундине» В.А. Жуковского / В.В. Анищенко // Автор в структуре художественного произведения: материалы Всерос. науч. конф. (Астрахань, 25 апреля 2017 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2017. – С. 5–9.

6. Анищенко В.В. Идиллии Н.В. Гоголя и И.Г. Фосса в свете асомнической проблематики / В.В. Анищенко // Интертекстуальность художественного дискурса: материалы Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 20 апреля 2018 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2018. – С. 62–68.

7. Анищенко В.В. Асомническая проблематика поэм А.С. Пушкина / В.В. Анищенко // Пушкин и мировая культура: сб. науч. ст. / Белорусский гос. пед. ун-т; редкол.: А.И. Гаранина и др. – Минск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 8–13.

8. Анищенко В.В. Иррациональное начало в асомническом пространстве романтических произведений первой трети XIX века / В.В. Анищенко // Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре: сборник научных статей по итогам X Междунар. науч. конф. «Рациональное и иррациональное в литературе и фольклоре» (Волгоград, 30–31 октября 2019 г.). – Волгоград: Фортесс, 2019. – С. 104–113.

9. Анищенко В.В. «Ночные» стихотворения М.Ю. Лермонтова в аспекте асомнической проблематики / В.В. Анищенко // Жанрово-стилевые искания в художественной литературе: материалы Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 25 апреля 2019 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2019. – С. 22–25.

10. Анищенко В.В. Асомническое пространство в культурном контексте эпохи романтизма / В.В. Анищенко // Россия и Европа: связь культуры и экономики: материалы XXVI Междунар. науч.-практич. конф. (Прага, 28 февраля 2020). – Прага: Изд-во WorldPresss.r.o., 2020. – С. 133–134.

11. Анищенко В.В. Мотив бессонницы как средство романтизации образа в произведениях русской литературы первой трети XIX века / В.В. Анищенко // Жанрово-стилевые искания в мировой литературе: материалы Всерос. науч. конф. (г. Астрахань, 24–25 апреля 2020 г.). – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2020. – С. 20–26.

12. Anishchenko V. The motive of card games in the work of romantic artists: asomnic paradigm / V. Anishchenko // European Applied Sciences. – Stuttgart, Germany: ORTPublishing, 2018. – 5. – P. 34–37.

АНИЩЕНКО Валентина Владимировна
АСОМНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА
А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Оттиражировано в Издательском доме «Астраханский университет»

Дата подписи в печать 23.09.2021.

Заказ № 4364. Тираж 120 экз.

Уч.-изд. л. 1,3. Усл. печ. л. 1,2

Издательский дом «Астраханский университет»

414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Тел. (8512) 24-64-95, 24-68-37

E-mail: asupress@yandex.ru